

— О чём ты вообще говоришь?

Сатору Годжо вовсю прикидывался дурачком. Он навалился на Тони чуть ли не всем телом и уткнулся ему в шею, пытаясь спустить разговор на тормозах.

Тони Старк просто отвернулся, избегая тяжелого взгляда Брюса, и молча уплетал сладкий яблочный пирог, решив позже непременно выпросить рецепт у Кларка.

Сначала Брюс лишь слегка недоумевал, полагая, что Сатору случайно выдал себя и ничего страшного не произошло. Однако, судя по поведению этой парочки, они умудрились вляпаться в какую-то крупную историю, которую Тони попросту замял с помощью денег.

— Сатору, — с нажимом произнёс Брюс, не сводя с него глаз. Он прекрасно знал, что Шесть Глаз видят его даже сейчас.

Но Годжо лишь упрямо отвернулся и зажал уши руками, ведя себя как ребёнок, который прячется под одеялом. Он забавно захлопал глазами, пытаясь разрядить обстановку.

— А давайте сыграем в игру! Будем считать выпавшие у Брюса волосы и заодно рассказывать Тони всё, что Брюс скрывал от него все эти годы!

Превосходная попытка сравнить Тони с собственным отцом. Заодно Сатору весьма деликатно выразил беспокойство по поводу отступающей линии волос Брюса.

Взгляд неодобрения Бэтмена.

Но на Сатору, который видел его сотни раз, это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Он преспокойно отвернулся и принялся подбивать Джейсона поучаствовать в его любимой забаве — издевательствах над общим отцом.

Бэтмен опасно прищурился.

Поняв, что от Сатору ничего не добиться, Брюс перевёл взгляд на Тони Старка. Здесь у него было неоспоримое преимущество.

— Ты ведь обещал, что никогда не станешь мне лгать.

Голос Брюса звучал на редкость искренне, его глаза уставились прямо на Тони.

Это был запрещённый приём. В этот момент Брюс беззастенчиво включил на полную мощность обаяние Бруси, соорудив ту самую обиженную гримасу, которую Тони знал слишком хорошо.

— Ты обманул меня. Мой сын рискует жизнью, работая на Бэтмена, а я, его собственный отец, оставался в полном неведении.

— И ты, Тони, без сомнения, всё знал.

Слова были настолько полны боли, что у любого постороннего проснулась бы совесть, заставив выложить несчастному родителю всю правду.

Конечно, если бы Тони до сих пор не знал, что Брюс и есть Бэтмен.

Только теперь Тони в полной мере осознал, насколько глубоко у Брюса сидит его фирменное «раздвоение личности». Этот человек умудрялся с самым невинным видом разделять два своих альтер-эго и при этом без зазрения совести нападать первым.

Тони буквально опешил от такой наглости и нервно усмехнулся:

— Что за чушь ты несёшь?

Тони ещё даже не начал толком возмущаться, а Брюс уже перехватил инициативу и перешёл в наступление. Он лишь невинно захопал глазами и поправил пиджак, всем своим видом показывая: перед ними обычный, искренне переживающий за безопасность сына отец.

В самом деле, какое отношение Брюс Уэйн имеет к Бэтмену?

Тони прижал ладонь ко лбу и почти со смехом пожаловался Сатору:

— Выкладывай уже быстрее, а то ещё немного, и перед нами предстанет не милашка Бруси, а жуткий Большой Бэт.

— Ой, как страшно, — закривлялся Сатору.

В его голосе сквозила откровенная издёвка.

Сатору недовольно фыркнул, всем видом демонстрируя глубокое возмущение предательством Тони.

— Ну ладно, это случилось несколько лет назад, когда Тони попал в плен в Афганистане, — неохотно начал вспоминать Сатору, постукивая пальцем по подбородку. — Как раз тогда, когда я впервые пересёкся с Ядовитым Плющом.

Хотя на самом деле вся эта затея началась гораздо раньше.

Несколько лет назад Сатору ещё не разрешали открыто участвовать в ночных патрулях Брюса. За право выходить на улицы Готэма ему пришлось выдержать долгую и упорную борьбу.

Например, однажды он улучил момент, когда Брюс в образе Бруси Уэйна отправился на светский раут, и залез в багажник спорткара. Однако лишнее дыхание выдало его с потрохами: Брюс обнаружил незваного пассажира и тут же отправил обратно домой.

Раздосадованный Сатору залез на гигантского механического динозавра в Бэтпещере. Всех, кто пытался подняться к нему — будь то Большой Бэт или старший Робин, — он безжалостно скидывал пинками.

Он сидел там и дулся на весь мир. Благо внутри макета динозавра Робины прятали кучу заначек со сладостями, так что Сатору вполне мог существовать там несколько дней, даже не думая спускаться.

В конце концов Брюс сдался. Он просто сбежал в Метрополис под предлогом слежки за Лексом Лютором, лишь бы избавить себя от взгляда неодобрения Альфреда.

Разгребать завалы и умирять разбушевавшегося Сатору он оставил своего старшего сына. Брюс свято верил, что у Дика обязательно получится его уговорить.

Дик стоял внизу с несчастным видом, безуспешно пытаясь выманить одиннадцатилетнего Сатору. Он испробовал всё, докатившись даже до обещания отдать мальчишке всю свою недельную норму печенья Альфреда — поистине чудовищная уступка! Но Сатору оставался непреклонен.

— Раз Брюса нет, я могу забрать его долю, — отозвался сверху Сатору.

Он никогда не соглашался на невыгодные сделки.

Только когда Дик, обхватив руками голову, молча уселся под брюхом динозавра в знак полного поражения, сверху наконец высунулась белая макушка.

— Если выполнишь одно моё условие, так и быть, спущусь, — протянул Сатору. Пользуясь детским возрастом, он беззастенчиво вил из Дика верёвки.

Дик настороженно вскинул голову.

— Я хочу пойти с вами на патрулирование. Дома скука смертная!

«Так я и знал!»

— обречённо подумал Дик.

Состояние Сатору последние годы оставалось крайне нестабильным. Ему запрещали часто выходить наружу, не говоря уже о ночных рейдах. По этой же причине его не отдали в школу, решив обучать на дому.

В конце концов, ни одно учебное заведение не выдержало бы, падай здоровый с виду ребёнок внезапно без чувств — бледный как смерть и с пульсом, близким к нулю. И хотя для возвращения Сатору в норму требовалось лишь вовремя скормить ему порцию сахара, для сторонних людей такое зрелище становилось суровым испытанием на прочность.

К тому же, Дик мысленно подсчитал количество сбежавших репетиторов — их набралось уже больше десятка.

И это при том, что Брюс платил им баснословные деньги. Кого они только ни нанимали: молодых выпускников за двадцать и умудрённых старцев за семьдесят, вспыльчивых и кротких душой, мужчин, женщин, обычных школьных учителей и университетских профессоров.

Почти всех мальчишка умудрялся довести до белого каления.

Брюс надеялся, что к пожилым преподавателям Сатору отнесётся с почтением, но тот становился с ними лишь ещё холоднее и упрямее.

Если судить чисто внешне, перед ними был классический избалованный барчук. Но, к счастью, он обладал выдающимся умом, так что Брюсу не приходилось бояться, что его приёмш вырастет пустым прожигателем жизни.

Почти все уволившиеся репетиторы в один голос твердили, что характер у парня просто нечеловеческий, но ум — гениальный.

От астрономии до географии — а в точных науках он и вовсе демонстрировал феноменальные способности.

— Вот только... — один пожилой профессор с сожалением покачал головой на прощание. — Мальчик слишком холоден. Ему не хватает человечности.

И речь шла не об отсутствии вежливости или хороших манер, а о базовой человеческой эмпатии.

Он смотрел на мир слишком отстранённо, свысока.

Услышав это, Брюс лишь укрепился в решении не отдавать Сатору в обычную школу.

Человечность и теплоту они с Диком должны были привить ему личным примером. Школа — это общество в миниатюре, и никто не мог гарантировать, что Сатору там социализируется, а не укрепитя в своём презрении к простым смертным.

Ведь практически в любой сфере Сатору стоял на голову выше всех остальных.

Позже в качестве наставников они привлекли даже Супермена и Чудо-Женщину. Бога среди смертных и полубогиню.

Тех, кто обладал силой богов, но сохранил человеческое сердце.

— Зачем вы пришли? — спросил тогда Сатору.

Он стоял на лестнице второго этажа, склонив белую голову набок. Лицо его было скрыто плотной повязкой, но его пристальный взгляд ощущался физически.

Не дав гостям даже представиться, Сатору перебил их:

— Я знаю, кто вы. Мы встречались, когда я был маленьким. С памятью у меня всё в порядке.

Хотя слова и указывали на близкое знакомство, в манерах подростка не было и капли детской теплоты.

— Вы пришли со мной подраться? — при одной этой мысли его глаза нетерпеливо блеснули.

Кларк и Диана переглянулись.

Оба были в обычной гражданской одежде. Кларк пришёл в своей любимой клетчатой рубашке и выглядел как добродушный деревенский парень с фермы. На Диане было простое удобное платье, подчёркивающее её мягкость. Она даже не взяла с собой Лассо Истины. Ни один из них явно не собирался устраивать спарринг.

«Ну и тяжелый случай»,

— одновременно подумали герои. Глядя на Сатору, они поняли, что отработать гонорары консультантов Лиги им будет ох как непросто.

— Может, для начала сходим за бургерами? — предложил Кларк.

Им пришлось приложить немало усилий, чтобы Сатору наконец признал их своими друзьями. Потребовалось много времени и совместной работы с Брюсом, чтобы вернуть мальчику

способность сопереживать окружающим. По крайней мере, теперь он видел в людях подобных себе существ, а не просто слабых созданий, требующих опеки.

Однако эту эмпатию Сатору никогда не выказывал в кругу семьи. В родных стенах он капризничал, прикидывался лапочкой, напрочь забывал о своём реальном возрасте и всюду дурачился. Сатору лежал на спине механического динозавра и умоляюще смотрел на Дика: мол, если не согласишься, я отсюда ни за что не слезу.

Дик было и смешно, и досадно. Он прикинул планы Бэтмена, немного поколебался и в конце концов примиряюще развёл руками.

— Ладно, ладно, — с улыбкой вздохнул Дик. — Брюса сегодня нет в Готэме, так что за патруль отвечаю я. Я возьму тебя с собой. Мы даже сможем без спроса покататься на его Бэтмобиле.

— Главное, не говори Брюсу.

— Ура! — взвизгнул Сатору и рыбкой спрыгнул вниз. Под испуганным взглядом Дика он в последний момент завис в воздухе, благодаря чему не врезался в него и не сломал парню рёбра.

— Ну ты и даёшь, — выдохнул Дик и ласково, точно кота, взъерошил его белоснежные волосы.

Добившись своего, Сатору с самым невозмутимым видом прижался к брату. В полумраке Бэтпещеры его Шесть Глаз в обрамлении длинных белых ресниц сияли потусторонним светом.

— Разве я больше не твой любимый Сатору?

Прикидываться невинной овечкой он умел мастерски. И сейчас преспокойно принимал заслуженные объятия.

Если бы Дик только знал, к какому безумию приведёт его минутная слабость, он ни за что на свете не взял бы Сатору на это патрулирование.

<http://bllate.org/book/19544/2004453>